

Василий Осипович Ключевский

Иван III

*Часть сборника
Исторические портреты*

Василий Осипович Ключевский
Иван III
Серия «Исторические портреты»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176665
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8*

Аннотация

«Обратимся к изучению третьего периода нашей истории. Он начинается с половины XV в., точнее говоря, со вступления Ивана III на великокняжеский стол в 1462 г., и продолжается до начала XVII в. (1613), когда на московском престоле является новая династия. Я назвал этот период временем Московской Руси, или Великорусского государства...»

**Василий Осипович
Ключевский
Иван III**

Великий князь Иоанн III Васильевич.

Гравюра XVI в.

Обратимся к изучению третьего периода нашей истории. Он начинается с половины XV в., точнее говоря, со вступления Ивана III на великокняжеский стол в 1462 г., и продолжается до начала XVII в. (1613), когда на московском престоле является новая династия. Я назвал этот период временем Московской Руси, или Великорусского государства.

Главные явления. Северная Русь, дотоле разбитая на самостоятельные местные миры, объединяется под одной государственной властью, носителем которой является московский государь, но он правит при содействии нового класса, вокруг него образовавшегося, – боярства. Основой народного хозяйства в этом государстве остается, по-прежнему, земледельческий труд вольного крестьянина, работающего на государственной или частной земле. Но государственная земля все более переходит в руки нового военного класса, создаваемого государством, и вместе с тем все более стесняется свобода крестьянского труда, заменяясь хозяйственной зависимостью крестьянина от служилого землевладельца. Таковы главные явления, которые в этом периоде нам предстоит изучить.

Прежде всего, попытаемся выяснить основной, так сказать центральный, факт, от которого шли или к которому сводились все эти явления. Что дает нам право положить

грань нового периода на половине XV в.? С этого времени происходят важные перемены в Русской земле, и все эти перемены идут от Московского государства и от московского государя, который правил этим государством. Вот главные действующие силы, которые в продолжение полутора ста лет этого периода ставят Русскую землю в новое положение. Но когда Иван III наследовал на московском столе своему отцу, в Русской земле еще не было ни Московского государства в тех границах, которые оно имело в конце XVI в., ни московского государя с тем политическим значением, с каким он является 100 лет спустя. Оба этих фактора еще не были готовы в 1462 г., оба являются результатами медленного и трудного процесса, совершающегося в этот самый период. Чтобы лучше понять появление этих факторов, надобно представить себе политическое положение Русской земли около половины XV в.

Русская земля в половине XV в. Весь почти север нашей равнины с северо-западным ее углом к Финскому заливу составлял область вольного Новгорода Великого, к которой на юго-западе, со стороны Ливонии, примыкала маленькая область другого вольного города, Пскова. Вся Западная Русь, т. е. Белоруссия вместе с частью Великороссии, областью Смоленской и Русь Малая с соседними краями нынешних великорусских губерний – Курской, Орловской, даже с частями Тульской и Калужской входили в состав Литовско-Польского государства. За Тулой и Рязанской землей

начиналось обширное степное пространство, тянувшееся до берегов Черного, Азовского и Каспийского морей, на котором оседлому населению Руси не удавалось основаться прочно и где господствовали татары, гнездившиеся в Крыму и на Нижней Волге. На востоке, за Средней и Верхней Волгой, господствовали татары Казанского царства, отделившиеся от Золотой Орды в первой половине XV в., затем вятчане, мало слушавшиеся московского князя, хотя Вятка числилась в его владениях, и разные инородцы Пермской земли. Собственно центральное пространство равнины представляло кучу больших и малых княжеств, среди которых находилось и княжество Московское.

Московское княжество. Обозначим в общих чертах его границы. Северная часть нынешней Московской губернии, именно Клинский уезд, принадлежала еще Тверскому княжеству. Далее на север и северо-восток, за Волгой, московские владения соприкасались или перемежались с владениями новгородскими, ростовскими, ярославскими, простираясь до слияния Сухоны и Юга. С юго-западной стороны граница с Литвой шла по Угре, в Калужской губернии; Калуга находилась на юго-западной окраине Московского княжества, а она всего в 170 верстах от Москвы. Средним течением Оки, между Калугой и Коломной, Московское княжество граничило с великим княжеством Рязанским, а нижнее течение Оки, от устья Цны, и течение Волги от Нижнего до устья Суры и Ветлуги отделяло его от мордвы и черемисы,

находившихся под властью казанских татар. Этот стесненный юго-западный угол территории и был головной частью княжества, передовым его оплотом, указывавшим, в какие стороны были обращены его боевые силы: здесь находилось их средоточие.

Город Москва в половине XV в. лежал вблизи трех окраин княжества: на севере, верстах в 80, начиналось княжество Тверское, самое враждебное Москве из русских княжеств; на юге, верстах в 100, по берегу Средней Оки шла сторожевая линия против самого беспокойного врага – татар; на западе, верстах в 100 с чем-нибудь, за Можайском в Смоленской области стояла Литва, самый опасный из врагов Москвы. С северной, западной и южной сторон неприятельским полкам достаточно было немногих переходов, чтобы дойти до Москвы.

Итак, Русская земля распадалась на множество мелких и крупных политических миров, независимых друг от друга, и среди этих миров Московское княжество было далеко не самым крупным: Литовское княжество, по большинству населения состоявшее из Руси, и область Новгорода Великого были гораздо обширнее его. Раздробленная внутри Русская земля распадалась на две половины по своему внешнему политическому положению: юго-западная половина была под властью соединенных Польши и Литвы, северо-восточная – платила дань хану Золотой Орды. Значит, положение Русской земли в половине XV в. можно определить двумя

чертами: политическое порабощение извне и политическое раздробление внутри. На всем пространстве нашей равнины, где только обитала Русь, кроме Вятки, не было деревни, которая не находилась бы под чуждым иноземным игом.

Политический состав Восточной Руси. В такой обстановке Иван III продолжал дело своих предшественников – великих князей Московских. Еще до него, на протяжении полутора столетий, мы наблюдали в истории Северной Руси два параллельных процесса: собирание земли и сосредоточение власти, постепенное территориальное расширение вотчины московских князей за счет других княжеств и постепенное материальное усиление великого князя Московского на счет удельных. Как ни были велики успехи, достигнутые Москвой, ни тот, ни другой из этих процессов далеко еще не был доведен до конца, когда Иван III вступил на стол отца и деда.

Территориальное собирание Руси Москвой не подвинулось еще настолько, чтобы захватить все самостоятельные местные миры, какие существовали в Центральной и Северной Руси. Эти миры, ждавшие своей очереди быть поглощенными Москвой, по их политическому устройству можно разделить на два разряда: то были или вольные города (Новгород, Псков, Вятка), или княжества. Последние принадлежали двум княжеским линиям – старого Святослава Черниговского и Всеволода III Суздальского – и образовали четыре группы удельных княжеств с особым великим князем

во главе каждой: то были княжества Рязанское, Ростовское, Ярославское и Тверское. С другой стороны, ни Иван III, ни его старший сын Василий не были единственными властителями Московского княжества, делили обладание им с ближайшими родичами, удельными московскими князьями, и власть великого князя не разрослась еще настолько, чтобы превратить этих удельных владетелей в простых подданных московского государя.

В. Верещагин. **Государь великий князь Иван III Васильевич**

К. Лебедев. Обручение малолетнего Ивана III с тверской княжной Марией в 1445 году

Великий князь пока поднимался над удельными не объемом власти, а только количеством силы, пространством владений и суммой доходов. У Ивана III было четыре удельных брата и двоюродный удельный дядя Михаил Верейский; у Василия III также было четыре брата. Отношения между ними по-прежнему определялись договорами, и здесь встречаем все прежние определения, повторяются знакомые нам формулы княжеских отношений, давно уже не соответствовавшие действительности. Договаривающиеся стороны продолжают притворяться, будто не замечая совершившихся пе-

ремен, как будто между ними все оставалось по-старому, хотя Иван III по пустому поводу пригрозил тюрьмой сыну Михаила Верейского и отнял у старика-дяди удел за побег этого сына в Литву.

Перемена в московском собирании Руси. Иван II продолжал старое дело территориального собирания Руси, но уже не по-старому. В удельное время территориальные приобретения московских князей носили характер или захватов, или частных хозяйственных сделок с соседними князьями. Местные общества еще не принимали заметного деятельного участия в этом территориальном объединении Руси, хотя по временам и проявлялось их нравственное тяготение к Москве. С половины XV в. становится заметно прямое вмешательство самих местных обществ в дело.

Можно заметить, что не везде одни и те же классы местных обществ обнаруживают открытое влечение к Москве. В Новгороде московская партия состояла преимущественно из простонародья с несколькими боярами, стоявшими во главе его; эта сторона ищет управы на своевольную новгородскую знать у московского великого князя. В княжеской Руси, напротив, высшие служилые классы общества тяготеют к Москве, соблазняясь выгодами службы у богатого и сильного князя. Так, в Твери еще задолго до последнего удара, нанесенного ей Москвой, местные бояре и рядовые служилые люди начали переходить на московскую службу. Когда Иван III только еще собирался в поход на Тверь за ее союз с Лит-

вой, многие тверские бояре и дети боярские стали покидать своего князя и толпами переходить в Москву; даже два тверских удельных князя перешли тогда на московскую службу. Когда Иван III подступил к Твери (1485), новая толпа тверских князей и бояр переехала в московский лагерь и била челом Ивану на службу. Тверской летописец называет этих перелетов крамольниками и считает их главными виновниками падения Тверского княжества. По замечанию другого летописца, Иван взял Тверь изменой боярскою.

То же самое явление повторилось и в другом великом княжестве – Рязанском. Это княжество присоединено было к Москве при Ивановом преемнике в 1517 г. Но задолго до этого московский государь имел там опору в главном рязанском боярине Коробьине, который и подготовил низложение своего князя. Далее, союз князей, образовавшийся под рукою московского государя из ближних и дальних его родичей еще в удельные века, теперь расширился и скрепился новыми интересами, усилившими авторитет московского государя. Прежде в этом союзе, завязавшемся по воле хана, заметно было действие преимущественно материальной силы или случайных, временных отношений. Союзные князья большею частью становились под руку московского государя, уступая его материальному давлению и его влиянию в Орде или движимые патриотическими побуждениями, по которым некоторые из них соединились с Димитрием Донским против Твери и Мамаю. Теперь этот союз расширился

под действием новой связи, входящей в его состав, – интереса религиозного. Действие этого интереса обнаруживается среди православных князей, подвластных Литве.

С половины XIII столетия в соседстве с Юго-Западной Русью начинает подниматься княжество Литовское. В XIII и XIV вв. литовские князья постепенно подчиняют себе разединенные и опустошенные княжества Западной Руси. Эта Русь со своими князьями не оказывала особенно упорного сопротивления Литве, которая освобождала ее от татарской неволи. С тех пор начинается могущественное культурное и политическое влияние Западной Руси на Литву. Уже к концу XIV в. Литва – и по составу населения, и по складу жизни – представляла из себя больше русское, чем литовское, княжество. Но в 1386 г. литовский великий князь Ягелло (Яков), воспитанный в православии своею матерью, рожденной княжной Тверской Юлианией, женился на наследнице Польского королевства Ядвиге и принял католичество. Этот династический союз Литвы и Польши завязал роковой для соединенного государства религиозно-политический узел. С тех пор началась при содействии польско-литовского правительства католическая пропаганда в Западной Руси. Пропганда эта особенно усилилась во второй половине XV в., когда Литвой правил сын Ягелло, Казимир IV. Православное русское общество оказывало стойкое противодействие католическим миссионерам. В Западной Руси начиналось сильное брожение, «замятия великая» между католиками и пра-

вославными. «Все наше православное христианство хотят окрестить, – писали оттуда, – за это наша Русь вельми ся с Литвою не любят».

Увлекаемые этим религиозным движением, и православные князья Западной Руси, еще не утратившие прежней самостоятельности в своих владениях под легкую власть великого князя Литовского, начали один за другим приставать к Москве как к своему религиозному центру. Те из них, которые могли присоединиться к Москве со своими владениями по их близости к московским границам, принимали условия зависимости, выработавшиеся в Москве для добровольно поддавшихся удельных князей. Они делались постоянными и подчиненными союзниками московского государя, обязывались служить ему, но сохраняли при себе дворы, дружины и не только оставались или становились вотчинниками своих владений, но и пользовались в них административными правами, держали свое особое управление.

В такое положение становились передававшиеся Москве владельцы мелких княжеств по Верхней Оке, потомки св. Михаила Черниговского, князья Белевские, Новосильские, Воротынские, Одоевские и другие. Примеру их последовали потомки Всеволода III, князья Черниговский и Новгород-Северский, сын Ивана Андреевича Можайского и внук Шемяки. Отцы их, когда их дело в борьбе с Василием Темным было проиграно, бежали в Литву и там получили обширные владения по Десне, Семи, Сожу и Днепру с города-

ми Черниговом и Новгород-Северским. Отец одного и дед другого были злейшими недругами Василия Темного, своего двоюродного брата, а сын и внук, стоя за православие, забыли наследственную вражду и стали подчиненными союзниками Васильева сына. Так московский союз князей, расширяясь, превращался в военную гегемонию Москвы над союзными князьями.

Приобретения Ивана III и Василия III. Таковы новые явления, которые замечаются в территориальном собирании Руси Москвой с половины XV в. Сами местные общества начинают открыто обращаться к Москве, увлекая за собой и свои правительства или увлекаемые ими. Благодаря этому тяготению московское собрание Руси получило иной характер и ускоренный ход. Теперь оно перестало быть делом захвата или частного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением. Достаточно короткого перечня территориальных приобретений, сделанных Москвой при Иване III и его сыне Василии, чтобы видеть, как ускорились это политическое объединение Руси.

С половины XV в. и вольные города со своими областями, и княжества быстро входят в состав московской территории. В 1463 г. все князья Ярославские, великий с удельными, били Ивану III челом о принятии их на московскую службу и отказались от своей самостоятельности. В 1470-х годах покорен был Новгород Великий с его обширной областью в Северной Руси. В 1472 г. приведена была под руку

московского государя Пермская земля, в части которой (по р. Вычегде) начало русской колонизации положено было еще в XIV в., во времена св. Стефана Пермского. В 1474 г. князья Ростовские продали Москве остававшуюся за ними половину Ростовского княжества; другая половина еще раньше была приобретена Москвой. Эта сделка сопровождалась вступлением князей Ростовских в состав московского боярства. В 1485 г. без боя присягнула Ивану III осажденная им Тверь. В 1489 г. окончательно покорена Вятка. В 1490-х годах князья Вяземские и целый ряд мелких князей Черниговской линии – Одоевские, Новосильские, Воротынские, Мезецкие, а также упомянутые сыновья московских беглецов, князья Черниговский и Северский, все со своими владениями, захватывавшими восточную полосу Смоленской и большую часть Черниговской и Северной земель, признали над собой верховную власть московского государя. В княжение Иванова преемника присоединены были к Москве в 1510 г. Псков с его областью, в 1514 г. – Смоленское княжество, захваченное Литвой в начале XV в., в 1517 г. – княжество Рязанское; наконец, в 1517–1523 гг. княжества Черниговское и Северское включены были в число непосредственных владений Москвы. Когда северский князь Шемячич выгнал своего черниговского соседа и товарища по изгнанию из его владений, а потом и сам попал в московскую тюрьму. При восшествии Ивана III на великокняжеский стол московская территория едва ли заключала в себе более 15 тысяч квадратных

миль. Приобретения Ивана III и его сына увеличили эту территорию по меньшей мере тысяч на 40 квадратных миль.

Идея национального государства. Вместе с расширением дипломатической сцены изменяется и программа внешней политики. Эта перемена тесно связана с одной идеей, пробуждающейся в московском обществе около этого времени, – идеей национального государства. Эта идея требует тем большего внимания с нашей стороны, чем реже приходится нам отмечать прямое участие идей в образовании фактов нашей древней истории. Сознание или, скорее, чувство народного единства Русской земли – не новый факт XV–XVI вв.: это дело Киевской Руси XI–XII вв. В то время оно выражалось не столько в сознании характера и исторического назначения народа, сколько в мысли о Русской земле как общем отечестве. Трудно сказать, какое действие оказали на нее тревоги удельных веков. Но она, несомненно, тлела в народе, питаемая церковными и другими связями. Разрыв русской народности на две половины, юго-западную и северо-восточную, удельное дробление последней, иноземное иго – эти неблагоприятные условия едва ли могли содействовать прояснению мысли о народном единстве, однако были способны пробудить или поддержать смутную потребность в нем.

Я веду речь не об этой потребности, а об идее национального государства, о стремлении к политическому единству на народной основе. Эта идея возникает и усиленно разра-

батывается, прежде всего, в московской правительственной среде по мере того, как Великороссия объединялась под московской властью. Любопытно следить, в каком виде и с какою степенью понимания дела проявлялась эта идея, которая не могла не оказать влияние на ход жизни Московского княжества. Видно, во-первых, что она вырабатывается под давлением изменявшихся внешних сношений московского великого князя. Потому первой провозвестницей ее является московская дипломатия Иванова времени, и уже отсюда, из государева дворца и кремлевской канцелярии, она проникает в московское общество.

А. Кившенко. **Иван III разрывает ханскую грамоту и басму перед татарскими послами**

Прежде столкновения московских великих князей с их русскими соседями затрагивали только местные интересы и чувства москвича, тверича, рязанца, разъединявшие их друг с другом. Боролась Москва с Тверью, Рязанью. Теперь борются Русь с Польшей, Швецией, немцами. Препные войны Москвы – усобицы русских князей; теперь это борьба народов. Внешние отношения Москвы к иноплеменным соседям получают одинаковое общее значение для всего великорусского народа. Они не разъединяли, а сближали его местные части в сознании общих интересов и опасностей и поселяли мысль, что Москва – общий сторожевой пост, откуда следят за этими интересами и опасностями, одинаково близкими и для москвича, и для тверича, для всякого русского.

АВСТРИЙСКІЙ ПОСЛАНИКЪ

Представляется В. К. Иоанну III. 1491 г.

Внешние дела Москвы усиленно вызывали мысль о народности, о народном государстве. Эта мысль должна была положить свой отпечаток и на общественное сознание московских князей. Они вели свои дела во имя своего фамильного интереса. Но равнодушие или молчаливое сочувствие, с каким местные общества относились к московской уборке их удельных князей, открытое содействие высшего духовенства, усилия Москвы в борьбе с поработителями народа – все это придавало эгоистической работе московских собирателей земли характер народного дела, патриотического подвига. А совпадение их земельных стяжений с пределами Великороссии, волей-неволей заставляло их слить свой династический интерес с народным благом, выступить борцами за веру и народность. Вобрав в состав своей удельной вотчины всю Великороссию и принужденный действовать во имя народного интереса, московский государь стал заявлять требование, что все части Русской земли должны войти в состав этой вотчины. Объединявшаяся Великороссия рождала идею народного государства, но не ставила ему пределов, которые в каждый данный момент были случайностью, раздвигаясь с успехами московского оружия и с колонизационным движением великорусского народа.

Ее выражение в политике Ивана III. Вот эта идея все настойчивее начинает пробиваться в московских дипломатических бумагах со времени Ивана III. Приведу из них несколько, может быть, не самых выразительных черт. Иван

III два раза воевал со своим литовским соседом, великим князем Александром, сыном Казимира IV. Обе войны вызваны были одинаковым поводом – переходом мелких князей Черниговской земли на московскую службу. Первая война началась тотчас по смерти Казимира, в 1492 г., и прервалась в 1494 г. Женитьба Александра на дочери Ивановой не помешала второй войне (1500–1503), когда переход служилых князей из Литвы возобновился в усиленной степени. Посредником между враждующими сторонами явился приехавший в Москву посол от Папы и венгерского короля Владислава, старшего брата Александра.

В то же время (1501) Александр Литовский был избран, по смерти другого брата, Яна Альбрехта, и на польский престол. Посол жаловался в Москве на то, что московский государь захватывает вотчины у Литвы, на которые он не имеет никакого права. Московское правительство возражало на эту жалобу: «Короли Венгерский и Литовский объявляют, что хотят стоять против нас за свою вотчину; но они что называют своей вотчиной? Не те ли города и волости, с которыми русские князья пришли к ним служить или которые наши люди у Литвы побрали? Папе, надеемся, хорошо известно, что короли Владислав и Александр – вотчичи Польского королевства да Литовской земли от своих предков, а Русская земля – от наших предков из старины наша вотчина. Папа положил бы себе то на разум, гораздо ли короли поступают, что не за свою вотчину воевать с нами хотят». По этой дипло-

матической диалектике вся Русская земля, а не одна только великорусская ее половина объявлена была вотчиной московского государя. Это же заявление повторено было Москвой и по заключении перемирия с Александром в 1503 г., когда литовский великий князь стал жаловаться на московского за то, что тот не возвращает ему захваченных у Литвы земель, говоря, что ему, Александру, жаль своей вотчины. «А мне, – возражал Иван, – разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, – Киева, Смоленска и других городов?»

Во время мирных переговоров в 1503 г. московские бояре от имени Ивана III упрямо твердили польско-литовским послам: «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля из старины от наших прародителей наша отчина». В то же время Иван III объявлял в Крыму, что у Москвы с Литвою прочного мира быть не может, пока московский князь не воротит своей отчины, всей Русской земли, что за Литвой, что борьба будет перемежаться только перемириями для восстановления сил, чтобы перевести дух. Эта мысль о государственном единстве Русской земли из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и спешила заявить во все стороны как свое неотъемлемое право.

Войны с Польшей. Таковы были два ближайших следствия, вышедшие из указанного основного факта. Благодаря новым территориальным приобретениям московских кня-

зей, 1) изменилось внешнее положение Московского княжества; 2) усложнились задачи внешней московской политики, которая теперь, когда Великая Русь образовала единое политическое целое, поставила на очередь вопрос о политическом объединении всей Русской земли. Из этого вопроса вышла вековая борьба двух соседних славянских государств – Руси и Польши.

Простой перечень войн Москвы с Польшей – Литвой при Иване III и его двух ближайших преемниках показывает, сколько тяжелого исторического предвидения было в его крымском заявлении. Две войны при нем самом, две при его сыне Василии, одна война в правление Васильевой вдовы Елены, при Иване IV война с Ливонией, сопровождавшаяся продолжительной войной, точнее говоря, двумя войнами с Польшей, поглотившими около 20 лет его царствования. Из 90 лет (1492–1582) не менее 40 ушло на борьбу с Литвой – Польшей.

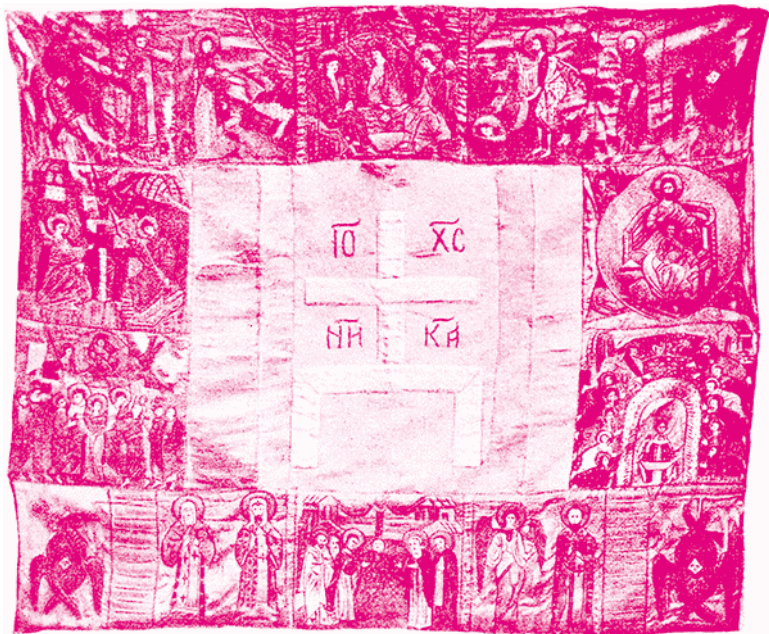
Софья Палеолог. Иван был женат два раза. Первая жена его была сестра его соседа, великого князя Тверского, Марья Борисовна. По смерти ее (1467) Иван стал искать другой жены, подальше и поважнее. Тогда в Риме проживала сирота-племянница последнего византийского императора Софья Фоминична Палеолог. Несмотря на то что греки, со времени Флорентийской унии, сильно уронили себя в русских православных глазах, и Софья жила так близко к ненавистному Папе, в таком подозрительном церковном обществе,

Иван III, одолев в себе религиозную брезгливость, выписал царевну из Италии и женился на ней в 1472 г.

Эта царевна, известная тогда в Европе своей редкой полнотой, привезла в Москву очень тонкий ум и получила здесь весьма большое значение. Бояре XVI в. приписывали ей все неприятные им нововведения, какие с того времени появились при московском дворе. Внимательный наблюдатель московской жизни барон Герберштейн, два раза приезжавший в Москву послом германского императора при Ивановом преемнике, наслушавшись боярских толков, замечает о Софье в своих «Записках», что это была женщина необыкновенно хитрая, имевшая большое влияние на великого князя, который по ее внушению сделал многое. Ее влиянию приписывали даже решимость Ивана III сбросить с себя татарское иго. В боярских рассказах и суждениях о царевне нелегко отделить наблюдение от подозрения или преувеличения, руководимого недоброжелательством.

Софья могла внушить лишь то, чем дорожила сама, и что понимали и ценили в Москве. Она могла привезти сюда предания и обычаи византийского двора, гордость своим происхождением, досаду, что идет замуж за татарского данника. В Москве ей едва ли нравилась простота обстановки и бесцеремонность отношений при дворе, где самому Ивану III приходилось выслушивать, по выражению его внука, «многие поносные и укоризненные слова» от строптивых бояр. Но в Москве и без нее не у одного Ивана III было желание из-

менить все эти старые порядки, столь не соответствовавшие новому положению московского государя, а Софья с привезенными ею греками, выдавшими и византийские, и римские виды, могла дать ценные указания, как и по каким образцам ввести желательные перемены.

Пелена, шитая великой княгиней Софией Фоминичной в 1498 г.

Хранится в ризнице Троице-Сергиевой лавры

Ей нельзя отказать во влиянии на декоративную обстановку

ку и закулисную жизнь московского двора, придворные интриги и личные отношения. Но на политические дела она могла действовать только внушениями, вторившими тайным или смутным помыслам самого Ивана. Особенно понятно во могла быть воспринята мысль, что она, царица, своим московским замужеством делает московских государей преемниками византийских императоров со всеми интересами православного Востока, какие держались за этих императоров. Потому Софья ценилась в Москве и сама себя ценила не столько как великая княгиня Московская, сколько как царица Византийская.

В Троицком Сергиевом монастыре хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, которая вышила на ней и свое имя. Пелена эта вышита в 1498 г. В 26 лет замужества Софье, кажется, пора уже было забыть про свое девичество и прежнее византийское звание. Однако в подписи на пелене она все еще величает себя «царицею царьгородскою», а не великой княгиней Московской. И это было недаром: Софья, как царица, пользовалась в Москве правом принимать иноземные посольства. Таким образом, брак Ивана и Софьи получал значение политической демонстрации, которою заявляли всему свету, что царица, как наследница павшего Византийского дома, перенесла его державные права в Москву как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом.

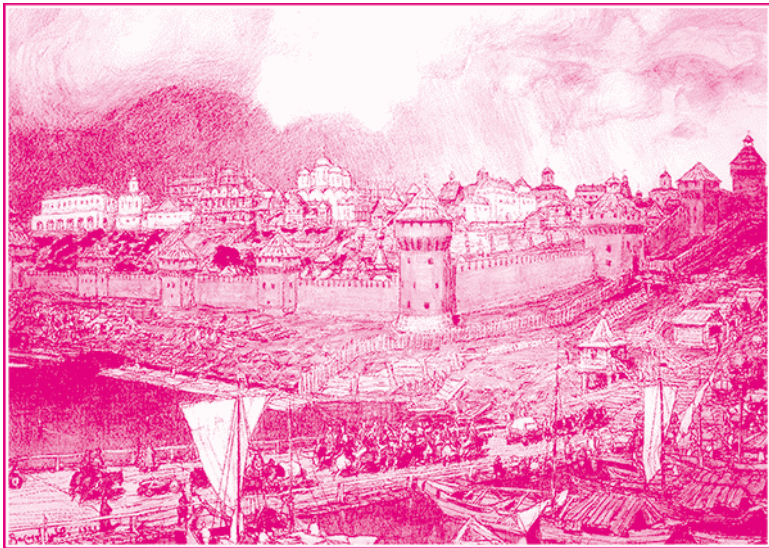
Новые титулы. Почувствовав себя в новом положении

и еще рядом с такой знатной женой, наследницей византийских императоров, Иван нашел тесной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, в какой жили его невзыскательные предки. Вслед за царевной из Италии выписаны были мастера, которые построили Ивану новый Успенский собор, Грановитую палату и новый каменный дворец на месте прежних деревянных хором. В то же время в Кремле при дворе стал заводится тот сложный и строгий церемониал, который сообщал такую чопорность и натянутость придворной московской жизни.

Точно так же, как у себя дома, в Кремле, среди придворных слуг своих, Иван начал выступать более торжественной поступью и во внешних сношениях, особенно с тех пор, как, само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго, тяготевшее над Северо-Восточной Русью два столетия (1238–1480). В московских правительственных, особенно дипломатических, бумагах с той поры является новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая московским дьякам удельных веков.

Между прочим, для едва воспринятых политических понятий и тенденций не замедлили подыскать подходящее выражение в новых титулах, какие появляются в актах при имени московского государя. Это целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение. В основу ее положены те же два представ-

ления, извлеченные московскими правительственными умами из совершавшихся событий, и оба этих представления – политические притязания. Это мысль о московском государе как о национальном властителе всей Русской земли и мысль о нем как о политическом и церковном преемнике византийских императоров. Много Руси оставалось за Литвой и Польшей, и, однако, в сношениях с западными дворами, не исключая и литовского, Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул государя всея Руси, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе, актах внутреннего управления, и в договоре 1494 г. даже заставил литовское правительство формально признать этот титул.

А. Васнецов. **Кремль при Иване III**

После того как спало с Москвы татарское иго, в сношениях с неважными иностранными правителями, например с ливонским магистром, Иван III титулует себя «царем всея Руси». Этот термин, как известно, есть сокращенная южно-славянская и русская форма латинского слова «цесарь», или, по старинному написанию, «цезарь», как от того же слова, по другому произношению, «кесарь» произошло немецкое «Kaiser». Титул царя в актах внутреннего управления при Иване III иногда, при Иване IV обыкновенно соединялся со сходным по значению титулом самодержца – это славянский

перевод византийского императорского титула. Оба термина в Древней Руси значили не то, что стали значить потом, выражали понятие не о государе с неограниченной внутренней властью, а о властителе, не зависимом ни от какой внешней власти, никому не платящем дани. На тогдашнем политическом языке оба этих термина противопоставлялись тому, что мы разумеем под словом «вассал». Памятники русской письменности до татарского ига иногда и русских князей называют царями, придавая им этот титул в знак почтения, не в смысле политического термина. Царями по преимуществу Древняя Русь до половины XV в. звала византийских императоров и ханов Золотой Орды, наиболее известных ей независимых властителей, и Иван III мог принять этот титул, только перестав быть данником хана. Свержение ига устраняло политическое к тому препятствие, а брак с Софьей давал на то историческое оправдание: Иван III мог теперь считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем, какими были византийские императоры, и верховным властителем Руси, бывшей под властью ордынских ханов.

Усвоив эти новые пышные титулы, Иван нашел, что теперь ему не пригоже называться в правительственных актах просто по-русски Иваном, государем великим князем, а начал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, Божиею милостию государь всея Руси». К этому титулу как историческое его оправдание привешивается длинный ряд геогра-

фических эпитетов, обозначавших новые пределы Московского государства: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных», т. е. земель. Почувствовав себя и по политическому могуществу, и по православному христианству, наконец, и по брачному родству преемником павшего дома византийских императоров, московский государь нашел и наглядное выражение своей династической связи с ними: с конца XV в. на его печатях появляется византийский герб – двуглавый орел.

Генеалогия Рюрика. Тогда мыслили не идеями, а образами, символами, обрядами, легендами, т. е. идеи развивались не в логические сочетания, а в символические действия или предполагаемые факты, для которых искали оправдания в истории. К прошлому обращались не для объяснения явлений настоящего, а для оправдания текущих интересов, подыскивали примеры для собственных притязаний.

Московским политикам начала XVI в. мало было брачного родства с Византией: хотелось породниться и по крови, притом с самым корнем или мировым образцом верховной власти – самим Римом. В московской летописи того века появляется новое родословие русских князей, ведущее их род прямо от императора Римского. По-видимому, в начале XVI в. составилось сказание, будто Август, кесарь Римский, обладатель всей вселенной, когда стал изнемогать, разделил вселенную между братьями и сродниками своими и

брата своего Пруса посадил на берегах Вислы-реки по реку, называемую Неман, что и доныне по имени его зовется Прусской землей, «а от Пруса четырнадцатое колено – великий государь Рюрик».

Московская дипломатия делала из этого сказания практическое употребление: в 1563 г. бояре царя Ивана, оправдывая его царский титул в переговорах с польскими послами, приводили словами летописи эту самую генеалогию московских Рюриковичей.

Идея Божественного происхождения власти. Изложенные подробности, не все одинаково важные сами по себе, все любопытны как своего рода символы политического мышления, выражение усиленной работы политической мысли, которая началась в московских государственных умах при новых условиях положения. В новых титулах и церемониях, какими украшала или обставляла себя власть, особенно в генеалогических и археологических легендах, какими она старалась осветить свое прошлое, сказывались успехи ее политического самосознания. В Москве чувствовали, что значительно выросли, и искали исторической и даже богословской мерки для определения своего роста. Все это вело к попытке проникнуть в сущность верховной власти, ее основания, происхождение и назначение.

Увидев себя в новом положении, московский государь нашел недостаточным прежний источник своей власти, каким служила отчина и дедина, т. е. преемство от отца и деда. Те-

перь он хотел поставить свою власть на более возвышенное основание, освободить ее от всякого земного юридического источника. Идея Божественного происхождения верховной власти была нечужда и предкам Ивана III. Но никто из них не выражал этой идеи так твердо, как он, когда представлялся к тому случай.

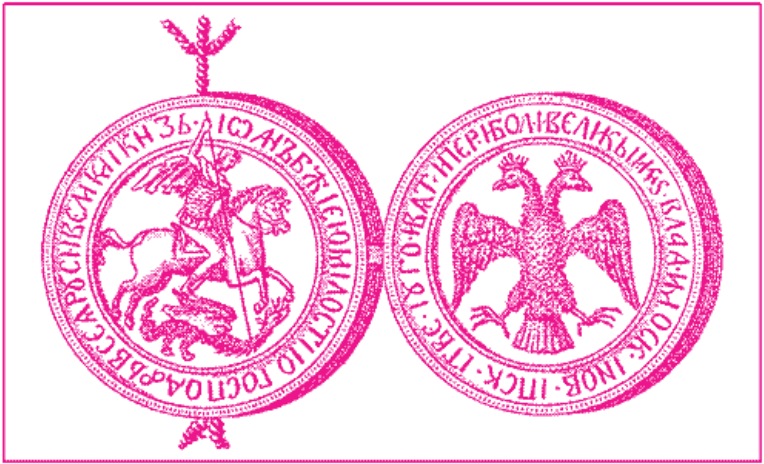
В 1486 г. некий немецкий рыцарь Поппель, странствуя по малоизвестным в Европе отдаленным краям, каким-то образом попал в Москву. Вид столицы неведомого Московского государства поразил его как политическое и географическое открытие. На католическом Западе знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многие даже не подозревали существования Руси Московской. Воротясь домой, Поппель рассказывал германскому императору Фридриху III, что за Польско-Литовской Русью есть еще другая Русь, Московская, не зависящая ни от Польши, ни от татар, государь которой будет, пожалуй, посильнее и побогаче самого короля Польского. Удивленный таким неожиданным известием, император послал Поппеля в Москву просить у Ивана руки одной из его дочерей для своего племянника и, в вознаграждение за это, предложить московскому князю королевский титул. Иван благодарил за любезное предложение, но в ответ на него велел сказать послу: «А что ты нам говорил о королевстве, то мы Божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы. Молим Бо-

га, чтобы нам и детям нашим дал до веку так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим». Подобно деду, царь Иван в беседе с польско-литовскими послами, жалуясь на то, что король Сигизмунд-Август не признает его титулов и прав, ими выражаемых, говорил, что эти права даны ему Богом и ни в чем признании не нуждаются.

Вотчина и государство. Таковы успехи, достигнутые московским политическим самосознанием путем столь разнообразных усилий. Объединение Великороссии повело к мысли о соединении всей Руси под одну власть и к стремлению придать этой власти не только всероссийское, но и вселенское значение. Но во имя чего объединили Великороссию и хотели объединить всю Русь? Иван III настойчиво заявлял, и его преемники повторяли, что вся Русская земля – их отчина. Значит, новый союз, образуемый объединявшейся Великороссией, подводился под старую политическую форму: ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как-нибудь иначе, не так, как понимали эту форму его удельные предки. Но общественные союзы имеют свою природу, требующую соответственных ей политических форм. В удельной вотчине, где свободные обыватели находились к князю во временных договорных отношениях, ежеминутно способных порваться, князь был собственником только территории, земельного пространства с хозяйственными угодьями. Страна, населенная целым народом,

для которого она стала отечеством, соединившись под одну власть, не могла оставаться вотчинной собственностью носителей этой власти.

В Москве заявляли притязание на всю Русскую землю как на целый народ во имя государственного начала, а обладать ею хотели как отчиной на частном удельном праве. В этом состояло внутреннее противоречие того объединительного дела, которое с таким видимым успехом довершали Иван III и его преемник. Иван III, первый из московских князей громко объявлявший всю Русскую землю своей вотчиной, кажется, чувствовал это противоречие и искал из него выхода, усиливаясь согласовать свою вотчинную власть с требованиями изменившегося положения. Увидев себя государем целого православного народа, он сознавал, хотя и смутно, те новые обязанности, какие ложились на него как на поставленного свыше блюстителя народного блага. Мысль об этом мелькнула при одном случае, о котором, впрочем, узнаем далеко не из первого источника.

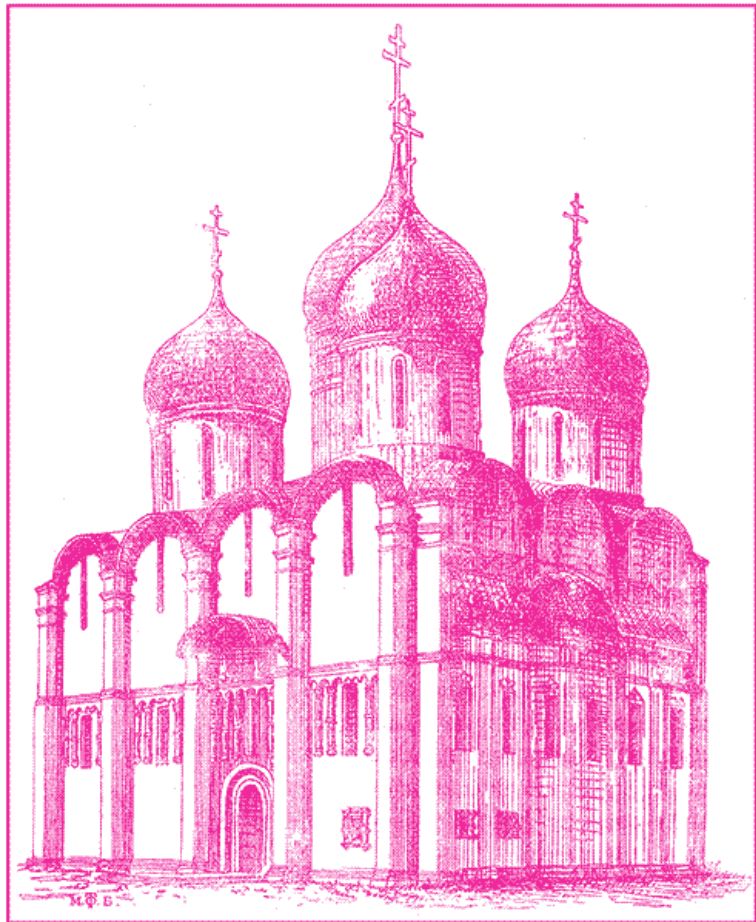

Печать Государственная малая (так называемая Двойная Кормчая) великого князя Иоанна III Васильевича.

Эта печать была привешена к договорной грамоте 16 июня 1504 г., заключенной по приказанию великого князя Иоанна Васильевича между детьми его, великим князем Василием Ивановичем и князем Юрием Ивановичем, в знак дружбы и согласия

В 1491 г. по договору Иван велел своим удельным братьям послать их полки на помощь своему крымскому союзнику, хану Менгли-Гирею. Удельный князь Андрей Углицкий не послушался, не послал своих полков. В Москве сначала смолчали и, когда князь Андрей приехал в столицу, при-

няли его ласково, но потом неожиданно схватили и посадили в тюрьму. Митрополит по долгу сана ходатайствовал перед великим князем за арестованного; но Иван отказался дать ему свободу, говоря, что этот князь и раньше несколько раз злоумышлял против него. «Да это бы еще ничего, – добавил Иван, – но, когда я умру, он будет искать великого княжения под внуком моим, и если даже не добудет княжения, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю бить, жечь и пленить и дань опять наложат, и кровь христианская польется по-прежнему, и все мои труды останутся напрасны, и вы по-прежнему будете рабами татар». Так повествует Татищев в своем летописном своде, не указывая, откуда заимствовал слова великого князя. Во всяком случае, с тех пор как был обеспечен успех московского собирания Руси, в Иване III, его старшем сыне и внуке начинают бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти. Это колебание между двумя началами или порядками обнаруживалось в решении важнейших вопросов, поставленных самым этим собиранием, – порядке преемства власти, ее объеме и форме. Ход политической жизни объединенной Великороссии более чем на столетие испорчен был этим колебанием, приведшим государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей – к гибели.

Успенский собор Московского Кремля

Престолонаследие . Мы уже знаем, как еще до Ивана

фактическим, не юридическим путем устанавливался в московском княжеском доме порядок преемства великокняжеской власти в прямой нисходящей линии. Все зависело от обстоятельств и хана. Но обстоятельства и воля хана обыкновенно складывались в пользу такого порядка, и образовали обычай, в силу которого великое княжение уже с Дмитрия Донского стало не только московской отчиной, но именно отчиной старшего сына московского великого князя. Василий Темный, столько потерпевший в борьбе за этот порядок, придумал средство упрочить его, еще при своей жизни назначив старшего своего сына Ивана великим князем-соправителем. Иван хотел последовать примеру отца и старшего сына своего от первой жены, Ивана, так же назначил своим соправителем. Но соправитель умер, оставив сына Дмитрия, когда и у Софьи подрастал сын Василий.

У Ивана III получились две нисходящие и равносильные линии: представитель старшей (внук) на одно колено был ниже представителя младшей (сын). Бояре, по нелюбви к Софье, были за внука. Софья с сыном завела темную придворную интригу, которая открылась, и рассерженный Иван решил назначить соправителем и наследником внука. Но он не довольствовался простым изъяснением своей воли: недавний обычай назначать наследника, предварительно объявив его соправителем, он хотел освятить торжественным церковным венчанием избранника на великое княжение.

Из византийских коронационных обрядников выбрали

подходящие церемонии, дополнили их подходящими к случаю подробностями и составили «чин» поставления Димитрия Ивановича на великое княжение, дошедший до нас в современной рукописи. Венчание происходило в Успенском соборе в 1498 г. Великий князь-дед возложил на великого князя-внука шапку, венец и бармы, оплечье, широкий отложной воротник. Во время венчания митрополит, обращаясь к деду, называл его «преславным царем самодержцем». Торжественная минута вызвала в московском князе потребность оглянуться назад и призвать старину, историю, в оправдание нового порядка престолонаследия – в прямой нисходящей линии.

Обратясь к митрополиту, Иван сказал: «Отец митрополит! Божиим изволением от наших прародителей, великих князей, старина наша оттоле и до сих мест: отцы наши, великие князья, сыновьям своим старшим давали великое княжение; и я было сына своего первого, Ивана, при себе благословил великим княжением; но Божиею волей сын мой Иван умер; у него остался сын первый, Димитрий, и я его теперь благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским, и ты бы его, отец, на великое княжение благословил».

По прямому смыслу этих слов Иван решил при назначении преемника держаться прямой нисходящей линии в самом строгом смысле слова. Торжественное церковное венчание, освящавшее такой порядок престолонаследия, можно

считать тогдашней формой издания основных законов. Такие законы, и впереди всех закон о престолонаследии, были особенно необходимы в момент превращения непомерно расширившейся вотчины Даниловичей в Московское государство. Государство тем и отличается от вотчины, что в нем воля вотчинника уступает место государственному закону. Но Иван сам же нарушил свое столь торжественное установление. Софья успела поправить свои дела: венчанный внук был разжалован и заключен под стражу, а сын пожалован и посажен на великое княжение «самодержцем». «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжение», – сказал однажды Иван по другому случаю; здесь в нем говорил своенравный хозяин-вотчинник, а не государь, которым издан первый Судебник.

Та же мысль о произвольном выборе преемника между нисходящими выражена и в договоре, заключенном между Василием и Юрием, старшими сыновьями Ивана III, еще при его жизни и по его воле. Отец благословляет великим княжеством сына, которого хочет, невзирая на старшинство. Преемником Ивана III дан был пример, которому они следовали с печальным постоянством, – одной рукой созидать, а другой разрушать свое создание, пока не разрушили созданного ими государства.

Расширение власти великого князя. Такое же колебание заметно и в определении объема и формы верховной власти. Усиленная работа политической мысли повела не к

одному лишь накоплению новых украшений вокруг великого князя и его титула; от этой работы оставались и некоторые практические осадки. Новое значение верховной власти, постепенно уясняясь, отражалось не только на придворном церемониале, но и на государственном праве.

Иван III в своем завещании довел это усиление до небывалых размеров. Старшему своему сыну и наследнику великого княжения он одному завещал более 60 городов с уездами или целых земель с городами и пригородами, а четверем удельным его братьям, всем вместе, было дано не более 30 городов, притом большею частью малозначительных. Теперь великий князь Московский стал гораздо богаче и сильнее всех удельных своих родичей, вместе взятых. Это было практическое средство, к которому прибегали и предшественники Ивана III для обеспечения политического преобладания старшего наследника. Иван III и здесь сделал важное нововведение, в котором сказалось действие государственных идей, усиленно проникавших в сознание московского государя. Усиливая материальное преобладание старшего сына, великого князя, он в своей духовной дал ему и существенные политические преимущества над младшими удельными братьями. В этом отношении духовная Ивана есть первый акт своего рода в истории нашего государственного права: в нем видим попытку определить состав верховной власти.

Перечислю эти политические преимущества, данные великому князю над удельными.

1) До сих пор все князья-сонаследники, совместно по долям или участкам, владели городом Москвой, собирали с нее дань и пошлины, прямые и косвенные налоги; в духовной Ивана III важнейшие статьи финансового управления столицей, торговые пошлины и сборы с торговых помещений предоставлены одному великому князю, который только выдавал из них по 100 рублей (не менее 10 тысяч рублей на наши деньги) в год каждому из удельных своих братьев.

2) До сих пор удельные князья творили суд и расправу по всем делам каждый в своем участке столицы и в принадлежавших ему подмосковных селах; по духовной Ивана III, суд по важнейшим уголовным делам во всей Москве и в подмосковных станах, доставшихся в удел братьям, принадлежал исключительно великому князю.

3) До сих пор каждый владетельный князь, великий, как и удельные, бил или мог бить свою монету, и в наших нумизматических кабинетах вы найдете много экземпляров удельной монеты XIV и XV вв.; по духовной Ивана III, право чеканить монету предоставлено было одному великому князю Московскому.

4) До сих пор, согласно с удельным порядком владения, удельные князья могли располагать своими вотчинами в завещаниях по личному усмотрению. Димитрий Донской впервые ввел некоторое ограничение в это право, постановив в своей духовной, что удельный князь, умирая бессыновным, не мог никому завещать свой удел, который по смерти

бессыновного владельца делился между оставшимися братьями по усмотрению матери. В духовной Ивана III это ограничение направлено исключительно в пользу великого князя: выморочный удел весь, без раздела, переходил к последнему. Часть удела, выделенная княгине-вдове «на прожиток», оставалась в ее пользовании только до ее смерти, «до живота», а потом также отходила к великому князю.

Вред удельного владения. Видим, что духовная Ивана III определяет верховную власть великого князя только с одной стороны – по отношению к князьям удельным.

А. Васнецов. Двор удельного князя

Великий князь, прежде превосходивший удельных родичей только размерами своих владений, количеством материальных средств, теперь сосредоточил в своем лице и наибольшее количество политических прав. Преемник Ивана III вступал на великокняжеский стол более государем, чем сам Иван. Удельные братья, в первую половину Иванова княжения еще способные наделать больших хлопот великому князю, потом являются перед ним бессильными и бесправными владетелями. Они беднели и падали все более, вели хищническое управление в своих уделах и все-таки нуждались, не были в состоянии нести расходы на татар, занимали деньги у кого и сколько могли, иногда по 2 рубля на соль, и не платили процентов, умирали в больших долгах, возлагая уплату их на великого князя, которому отказывали свои уделы. В таких чертах рисуется их хозяйственное положение в их духовных грамотах.

Еще печальнее было положение удельных братьев великого князя Василия. Они иногда помышляли о побеге в Литву, но, по обнаружении замысла, униженно ходатайствовали о прощении через митрополита, монахов, московских бояр, называли себя холопами великого князя, своего «государя». С ними и не стеснялись в Москве ни при Иване, ни при Василии. Они знали, что за послушание и за крамолу по одному доносу, даже только по подозрению, их ждет московская тюрьма. Но удельное право формально признавали оба этих великих князя. Они заключали с удельными договоры

на старых условиях, как с независимыми владельцами, только обязывая их быть неотступными от великих князей «никуда ни к кому некоторыми делы», ни с кем не заключать договоров, вообще не сноситься без ведома великих князей и под их детьми, своими племянниками, великих княжеств не подыскивать. По-прежнему действуют личные обязательства вместо закона. Однако, безопасные сами по себе, по своей политической и нравственной слабости, неспособные и своих уделов устроить, не то чтобы царством править, как отозвался о своих удельных братьях великий князь Василий, они не перестали быть вредными при тогдашнем ходе дел и при складе общества того времени. Удельные предания были еще слишком свежи и кружили слабые удельные головы при всяком удобном случае.

Удельный князь был крамольник если не по природе, то по положению. За него цеплялась всякая интрига, заплетавшаяся в сбродной придворной толпе. В московском Кремле от него ежеминутно ожидали смуты. Всего более боялись его побега за границу, в Литву, хотя эта опасность была, может быть, лучшим средством освободить государство от этих, ни на что не пригодных, остатков безнравственной старины, как это средство избавило Василия Темного от его злейших врагов, князей Можайского и Шемячича.

Формальное, т. е. притворное, признание удельного права, не соответствовавшее действительным отношениям, внося фальшь в государственную жизнь, мешало московским

государям уяснить себе и проводить одно из основных начал государственного порядка – единство, цельность верховной власти. Печальный опыт отца и свой собственный заставил Ивана III тревожно задуматься над мыслью о такой власти. Московский посланец от его имени говорил в Вильне его дочери, великой княгине Литовской: «Слыхал я, каково было нестроение в Литовской земле, коли было государей много, а и в нашей земле, слыхала ты, каково было нестроение при моем отце, а после отца – каковы были дела и у меня с братьями, надеюсь, слыхала же, а иное и сама помнишь».

Взгляд общества на государя. До конца XV в. это отношение отличалось простотой удельного времени, и еще не заметно было следов того почитания, своего рода культа, которым впоследствии был окружен московский государь. В 1480 г., во время нашествия хана Ахмата, Иван III, постояв с полками на Оке, покинул армию и воротился в Москву. Столица была в смятении; горожане сносили в Кремль свои пожитки, ожидая татарской осады. Увидев возвращавшегося великого князя, они подступили к нему с жалобами и говорили ему, по свидетельству летописи: «Когда ты, государь, княжишь над нами в мирное время, тогда нас много понапрасну обременяешь поборами, а теперь сам, рассердив хана, не заплатив ему выхода, нас же выдаешь татарам». Престарелый ростовский архиепископ Вассиан встретил великого князя еще более резкими упреками, начал «зло говорить ему», называя его «бегуном», трусом и грозя, что на

нем взыщется кровь христианская, которая прольется от татар.

Московский Кремль в XVI в.

Приведем еще эпизод из княжения Иванова преемника. И в это время еще не исчезли прежние простые отношения подданных к государю. Тогда в Москве заподозрили по доносу в злом умысле государева брата, удельного дмитровского князя Юрия, и решили дожидаться его приезда в столицу, чтобы арестовать его. Узнав об этом, Юрий обратился к волоколамскому игумену преподобному Иосифу, жалуясь ему, что в Москве слушают наветников, и прося игумена съездить в Москву походатайствовать за него перед великим князем.

Иосиф уговаривал удельного князя не противиться великому: «Преклони главу твою пред помазанником Божиим и покорись ему».

Юрий отвечал на это: «Будь мне вместо отца родного; я по твоему наставлению не буду против государя, готов все терпеть от него, даже самую смерть, только съезди к нему». Иосиф послал к великому князю двух старцев своего монастыря. Не соблюдая обычных правил вежливости, не поздоровавшись и не спросив о здоровье игумена, Василий встретил посланных сердитыми словами: «Зачем пришли, какое вам до меня дело?» Тогда один из старцев начал наставительно пенять великому князю, что государю не подобает так выходить из себя, не разузнав наперед, в чем дело, а следует расспросить хорошенько и выслушать с кротостью и смирением.

Великий князь смутился, встал и, улыбаясь, сказал: «Ну, простите, старцы, я пошутил». Затем, сняв шапку, он поклонился старцам и спросил о здоровье игумена. Тогда уже пошла речь о деле, и великий князь уважил ходатайство Иосифа, помирился с братом. Это было до 1515 г., когда умер Иосиф. Так еще в начале XVI в. по временам проявлялись простые удельные отношения подданных к своему государю; но эти отношения исчезали быстро вместе с последними уделами.

Уже при Иване III, еще более при Василии, верховная власть окружала себя тем ореолом, который так резко от-

делил московского государя от всего остального общества. Посол императора Германского Герберштейн, наблюдавший Москву при Василии, замечает, что этот великий князь закончил то, что начал его отец, и властью своею над подданными превосходит едва ли не всех монархов на свете. Он добавляет, что в Москве говорят про великого князя: «Воля государева – Божия воля, государь – исполнитель воли Божией». Когда москвичей спрашивают о каком-нибудь неизвестном им или сомнительном деле, они отвечают затверженными выражениями: «Мы того не знаем, знает то Бог да великий государь». По словам Герберштейна, они даже величали своего государя ключником и постельничим Божиим, применяя язык московского двора к столь возвышенным отношениям. Так уже ко времени Василиева преемника, Ивана IV, в Москве был готов тот кодекс политических понятий, которым так долго жила потом Московская Русь.

Таким образом, идея государственного объединения всей Русской земли, национального значения московского государя, свыше возложенного на него полномочия блюсти народное благо, – эти идеи вместе с первыми попытками установить состав верховной власти, единой и неделимой, надобно признать значительными успехами для московских умов того времени. Впрочем, значение этих успехов ограничилось бы историей понятий, если бы они не сопровождались соответственным движением общественного и государственного порядка.

Мы видели, как, вследствие политического объединения Великороссии, изменились и состав и настроение московского боярства. Эта перемена неизбежно должна была изменить и добрые отношения, существовавшие между московским государем и его боярством в удельные века.

Отношение бояр к великому князю в удельные века. Эта перемена отношений была неизбежным последствием того же самого процесса, которым были созданы власть московского государя и его новое боярство. В удельные века боярин ехал на службу в Москву, ища здесь служебных выгод. Эти выгоды росли для служилого человека вместе с успехами его хозяина. Это устанавливало единство интересов между обеими сторонами. Вот почему московские бояре во весь XIV в. дружно помогали своему государю в его внешних делах и усердно радели ему во внутреннем управлении. Тесная связь, задушевность отношений между обеими сторонами яркой чертой проходят по московским памятникам того века.

Великий князь Семен Гордый пишет, обращаясь в духовной к своим младшим братьям с предсмертными наставлениями: «Слушали бы вы во всем отца нашего, владыки Алексея, да старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам». Еще задушевнее выступают эти отношения в написанной современником биографии великого князя Дмитрия Донского, который и великокняжеским столом был обязан своим боярам. Обращаясь к своим детям, великий князь говорил:

«Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте по их службе, без воли их ничего не делайте». Обратившись затем к самим боярам, великий князь в сочувственных словах напомнил им, как он работал вместе с ними в делах внутренних и внешних, как они укрепляли княжение, как стали страшны недругам Русской земли. Между прочим, Димитрий сказал своим сотрудникам: «Я всех вас любил и в чести держал, веселился с вами, с вами и скорбел, и вы назывались у меня не боярами, а князьями земли моей».

Перемена отношений. Эти добрые отношения и стали расстраиваться с конца XV в. Новые, титулованные бояре шли в Москву не за новыми служебными выгодами, а большею частью с горьким чувством сожаления об утраченных выгодах удельной самостоятельности. Теперь только нужда и неволя привязывали новое московское боярство к Москве, и оно не могло любить этого нового места своего служения. Разошедшись в интересах, обе стороны еще более разошлись в политических чувствах, хотя эти чувства выходили из одного источника. Одни и те же обстоятельства, с одной стороны, поставили московского великого князя на высоту национального государя с широкой властью, с другой – навязали ему правительственный класс с притязательными политическими вкусами и стремлениями и со стеснительной для верховной власти сословной организацией.

Почувствовав себя в сборе вокруг московского Кремля, титулованные бояре стали смотреть на себя, как не смели

смотреть московские бояре удельного времени. Почувствовав себя государем объединенной Великой Руси, великий князь Московский с трудом переносил и прежние свои отношения к боярам как вольным слугам по договору, и совсем не мог ужиться с новыми их притязаниями на раздел власти. Одна и та же причина – объединение Великороссии – сделала московскую верховную власть менее терпеливой и уступчивой, а московское боярство – более притязательным и заносчивым.

Таким образом, одни и те же исторические обстоятельства разрушили единство интересов между обеими политическими силами, а разъединение интересов расстроило гармонию их взаимных отношений. Отсюда и вышел ряд столкновений между московским государем и его боярами. Эти столкновения вносят драматическое оживление в монотонную и церемонную жизнь московского двора того времени и производят впечатление политической борьбы московского государя с его непокорным боярством. Впрочем, это была довольно своеобразная борьба, как по приемам борцов, так и по руководившим ею побуждениям. Отстаивая свои притязания, бояре не поднимались открыто против своего государя, не брали в руки оружия, даже не вели дружной политической оппозиции против него. Столкновения разрешались обыкновенно придворными интригами и опалами, немилостями, происхождение которых иногда трудно разобрать. Это скорее придворная вражда, иногда довольно молчаливая, чем

открытая политическая борьба, скорее пантомима, чем драма.

Столкновения. Эти столкновения с особенной силой обнаруживались два раза, и каждый раз по одинаковому поводу – по вопросу о престолонаследии. Иван III, как мы знаем, сперва назначил своим наследником внука Димитрия и венчал его на великое княжение, а потом развенчал, назначив преемником сына своего от второй жены, Василия. В этом семейном столкновении боярство стало за внука и противодействовало сыну из нелюбви к его матери и к принесенным ею византийским понятиям и внушениям, тогда как на стороне Василия оказались все малые, худые служилые люди. Столкновение доходило до сильного раздражения с обеих сторон, вызвало шумные ссоры при дворе, резкие выходки со стороны бояр, – кажется, даже что-то похожее на крамолу. По крайней мере, сын Василия, царь Иван, жаловался после, что бояре на его отца вместе с племянником последнего, Димитрием, «многие пагубные смерти умышляли», даже самому государю-деду «многие поносные и укоризненные слова говорили». Но как шло дело, чего именно добивались бояре, в подробностях это остается не совсем ясным. Только через год после венчания Димитрия (1499) пострадали за противодействие Василию знатнейшие московские бояре: князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его сторонников – князя И. Ю. Патрикеева с сыном Василием, знаменитым впоследствии старцем Вассианом Косым,

насильно постригли в монашество.

Неясность причины разлада. Во всех этих столкновениях, прорывавшихся в продолжение трех поколений, можно разглядеть поводы, их вызывавшие, но побуждения, руководившие ссорившимися сторонами, питавшие взаимную неприязнь, не высказываются достаточно внятно ни той, ни другой стороной.

Иван III глухо жаловался на неуступчивость, строптивость своих бояр. Отправляя в Польшу послов, вскоре после дела о наследнике, Иван, между прочим, давал им такое наставление: «Смотрите, чтобы во всем между вами гладко было, пили бы бережно, не допьяна, и во всем бы себя берегли, а не поступали бы так, как князь Семен Ряполовский высокоумничал с князем Василием, сыном Ивана Юрьевича (Патрикеева)».

сї оубо вѣдоу. и ꙗкоже бысть. ꙗкоже бысть.

Дѣ. Б. С. го. мѣ. вѣ. цѣ. рѣ. вѣ. ло. жи. ки. зѣ. шѣ.
ай. на. я. а. ле. не. и. а. се. нѣ. рѣ. х. си. сѣ. вѣ. тѣ. нѣ. по. нѣ.
нѣ. вѣ. о. вѣ. рѣ. о. сѣ. хѣ. вѣ. к. сѣ. хѣ. нѣ. вѣ. о. вѣ. рѣ. нѣ. о. ко. нѣ. чѣ. нѣ.
рѣ. хѣ. нѣ. сѣ. о. вѣ. о. вѣ. рѣ. нѣ. о. ко. нѣ. чѣ. нѣ. а. па. сѣ. хѣ.
дѣ. бѣ. нѣ. о. вѣ. о. вѣ. рѣ. нѣ. о. вѣ. о. ко. нѣ. чѣ. нѣ. дѣ. а. ко.
вѣ. сѣ. хѣ. нѣ. о. вѣ. пѣ. сѣ. а. ло. вѣ. а. нѣ. а. сѣ. ма. тѣ. нѣ. тѣ. а.
ко. нѣ. пѣ. сѣ. ко. мѣ. сѣ. о. вѣ. вѣ. пѣ. сѣ. хѣ. нѣ. о. вѣ. сѣ. хѣ. нѣ. нѣ. а.
нѣ. ко. мѣ. а. сѣ. хѣ. нѣ. о. вѣ. мѣ. пѣ. нѣ. тѣ. нѣ. нѣ.
дѣ. рѣ. хѣ. нѣ. тѣ. нѣ. нѣ. ко. мѣ. .

Из Судебника Иоанна III (1497 г.)